

Николай Добролюбов

Уличные листки

Николай Александрович Добролюбов

Уличные листки

Широкое распространение так называемых «уличных листков» в 1858 и отчасти в 1859 годах находится в несомненной связи с оживлением общественной жизни и с наметившимся в это время подъемом сатирической журналистики. Правда, подавляющее большинство издателей «листочков» лишь спекулировало на интересе демократического читателя к острому обличительному слову. Содержание многих «листочков» отличалось полнейшей беспринципностью, низкопробностью, а то и прямой реакционностью.

Содержание

#1	0005
Примечания	0030

**Николай Александрович
Добролюбов
Уличные листки**

БАРАДАДЫМ, БЕССОННИЦА, БЕССТРУННАЯ
ББАЛАЛАЙКА, ВЕСЕЛЬЧАК, ВСЯКАЯ ВСЯЧИ-
НА, ГОВОРУН, ДЯДЯ ШУТ ГОРОХОВЫЙ, ЕРА-
ЛАШ, КАРТИНКИ С НАТУРЫ, ЛИТЕРАТУРА В
ХОДУ, МОИМ ТРУТНЯМ СОВЕТ, МУХА, НАРОД-
НОЕ РАЗГУЛЬЕ НА ПЕТЕРБУРГСКИХ ОСТРО-
ВАХ, НОВЕЙШИЕ ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКА-
ЗЫ, ОРОСКОП КОТА, ПОТЕХА, ПРАВДА В СТИ-
ХАХ И ПРОЗЕ, ПУСТОЗВОН, ПУСТОМЕЛЯ, РАЕК,
РОДОДЕНДРОН, СМЕХ, СМЕХ И ГОРЕ, СПЛЕТ-
НИ, СПЛЕТНИК, ФАНТАЗЕР, ФОНАРЬ, ШУТ-
НИК, ЩЕЛЧОК, ЮМОРИСТ

Итого 30 штук!

Между тем как Москва сетует и плачет в
лице своего Гераклита, г. М. Дмитриева,{1} в
Петербурге каждый день появляются новые
Демокриты, потешающие серьезную столицу
своей веселостью, юмором, шутками и всякой
всячиной. И Петербург решительно потеша-
ется – в каждой гостинице, в каждой мелоч-
ной лавочке, на каждом перекрестке. Одно
время эпидемия на смех была так сильна, что
серьезных людей останавливали на улице и
приставали к ним с ножом к горлу: смейся, да

и только. Я сам видел, как одного почтенного горбатого чиновника, бежавшего в департамент с портфелем под мышкой и, по-видимому, с очень мрачными мыслями, остановил вдруг на Невском проспекте ловкий господин, запустивший руку в карман пальто почтенного чиновника. «Что это, что это значит?» – забормотал испуганный чиновник. «Пять копеек-с», – развязно отвечал ловкий господин, указывая на листок «Смеха»,{2} торчавший уже из кармана горбатого чиновника. Бедняк, застигнутый врасплох, остановился, разинув рот, но, не будучи в состоянии произнести ни одного слова, с видом отчаяния и покорности судьбе взглянул он на «Смех», медленно вынул из кармана пяточок и молча подал его развязному господину, с такою печальною, убитою гримасой, что на него смотреть было жалко. Но развязный господин был, по-видимому, слишком весел для того, чтобы проникнуться чувством сострадания; он жадно схватил пяточок, проговорил с улыбкою: «Точно так-с», и исчез.{3}

Из этого рассказа иногородные читатели могут заключить, что если бы Петербург и

имел твердое намерение удалиться от смеха, то нет ему для этого ни малейшего способа. Смех сделался в некотором случае священнейшею, хотя и тяжкою, его обязанностью; смех есть для него не забава, не естественное проявление веселости, а долг человеколюбия и благотворительности. Издатели листков большею частию сами объявляют с благородной откровенностью, что все их претензии ограничиваются *малою толикою пятачков*, на бедность, или, как иные из них выражаются, *на голые зубы*. Иные из них стараются разжалобить публику и для этого выделывают разные смешные гримасы. Например, «Смех и горе» не назначил даже цены себе, а, надеясь на доброту покупателей, провозгласил: «Что пожалуете». Вверху первой страницы этого листка напечатано: «Покупатель кладет в кассу «Горя» что ему угодно для утешения издателя». Оказалось, что кто-то опустил в кассу «Горя» (при магазине Крашенинникова) какие-то *крупные* деньги, и вот во втором выпуске «Смеха и горя» издатель пишет: «Русское спасибо публике! Нашелся один и покупатель-меценат! Не одни копейки, пяточки и

гривенники опущены были в *кассу* «Горя»... Что стоит богачу опустить несколько рублей серебром? Но как заметить ему бедный листок, который вывесили на окошке книжного магазина. Захочет ли он отказаться от некоторых удовольствий, от какой-нибудь прихоти для этого листка?.. У нас многие любят благотворить втайне, и мы высоко ценим эту добродетель!..» Это объяснение, похожее на жалостный вопль салопницы, уже очень много говорит о характере всего предприятия. Но благородная откровенность издателя простирается еще далее. Он бесцеремонно рассказывает следующий случай: «Один покупатель-благотворитель, опуская гривенник, спрашивает хозяина книжного магазина, П. Крашенинникова (там только и есть *касса* «Горя»): «А что, это бедный человек, который издает «Смех и горе?»?» По всему видно было, что покупатель привык благотворить. Хозяин замялся и не знал, что сказать; может быть, и оттого, что в магазине сидел издатель. Бедный, он сказать не хотел, потому что это значило бы почти просить у покупателя милостыни, богатый – тоже, потому что он знает,

что издатель небогат. И потому он сказал почти: и да, и нет». Из этого рассказа, выписанного нами даже без изменения пунктуации, читатели могут видеть, каков должен быть юмор листка, издаваемого при столь плачевных обстоятельствах.

Если «Смех и горе» старается возбудить в покупателях сострадание и рассчитывает на их чувствительное сердце, то другие листки стремятся к достижению своей цели, действуя *ex abrupto*,^[1] по-ноздревски, обрушиваясь на читателя быстрым потоком сильных выражений. Вот как объясняется, например, на первой странице своей «Бессонница»: {4} «Да вы, милостивый государь, пожалуй, и не читайте, только пяточок серебра нам за экземплярчик отдайте»... Следовательно, *главная цель «Бессонницы», «чтобы соиздателям на голые зубы малую толику пяточков приобрести (хоть и медными – они не погневаются)».* Такая бесцеремонность нам, впрочем, нравится, хоть то хорошо, что не лицемерствует человек, а напрямки валяет себе, что ему требуется...

Большая часть других листков высказыва-

ет те же корыстолюбивые стремления, хотя в тоне более или менее умеренном. Все они стараются, по-видимому, подражать «Весельчаку»,^{5} начавшему свое «знаменитое и всему свету известное» (как писали о девице Пастрани^{6}) объявление деликатным извинением: «Извините, почтеннейшие читатели, что я, не имея чести вас знать, сую руку к вам в карман». Издатели листков вообразили, что стоит им отлить такую же пулю, и карманы покупателей мгновенно отверзнутся пред ними. И, кажется, сначала заклинание это действительно имело силу; но потом в скором времени потеряло ее вследствие неумеренно частого повторения.

Сами листки, впрочем, сознают по временам, что «совать руку в чужой карман» не совсем благовидно. «Сплетник»^{7} выразился на этот счет даже очень строго. «Действительно, почтенная публика, – восклицает он, – литература в настоящее время *не что* иное, как промысел достать себе кусок хлеба. Отчего же, разве добывать себе кусок хлеба постыдно? спросите вы. *Ничуть*; но где же тут добро-совестность? Где *их* назначение? Где юмор?

Смешить писатель-временщик не в состоянии; цель – пяточки, в которых все в настоящее время нуждаются!» И сам, по-видимому, сконфуженный таким возвышенным, благородным обличением, «Сплетник» тут же возглашает: «Покупай, покупай, публика, «Сплетника», ведь удивительно дешево!»...

Таким образом, по принципу, изъясленному самими издателями, литературная сторона во всех веселых листках этих должна исчезать перед торговою. Но, по известным началам ученых-экономистов, торговые интересы, при обширной конкуренции, непременно должны способствовать совершенству фабрикации. Литературные достоинства листков должны возрастать по мере того, как конкуренция увеличивается, хотя бы издатели ничего не имели в виду, кроме сбыта своих продуктов. Так бы, конечно, следовало ожидать; но, к сожалению, начала политической экономии оказываются решительно неприложимыми в настоящем случае. Вопреки ее соображениям, листки, появлявшиеся один за другим, не только не совершенствовались, а становились всё нелепее и скучнее. «Фантазер»,

{8} появившийся по времени, кажется, двадцатым, изумителен по своей нелепости и тупости, а «Бардадым», {9} один из последних листков, превосходит пошлостью и бездарностью всё, что только можно вообразить. Это обстоятельство, столь неблагоприятное для приложения у нас экономических теорий, может быть, как нам кажется, объяснено особенным характером тех сделок, посредством которых всякий старается у нас приобрести себе и увеличить свои выгоды. Это – характер Щукина двора, {10} где всякий сбывает свой товар на том основании, что у других всё дороже и хуже. Вам никогда не скажут на Щукинском дворе, что торгуемая вами вещь стоит запрошенной цены потому-то и потому-то, не прибавивши к этому, что у других вы дешевле не купите, а между тем другие вас надуют, дадут гнилого, лежалого, старого, линючего и т. п. В этом выражается одна из особенностей всего нашего общества, во всех его классах: это – желание подставить ногу другому для того, чтобы самому опередить его. Ясно, что при такой системе конкуренция ни для кого не может быть особенно благодетельна. Но

такая конкуренция не требует больших трудов, знаний и достоинств; поэтому она очень сильно распространена у нас между многими, вследствие недостатка действительных знаний, искусства и трудолюбия. К такой системе *охаиванья* чужого для восхваления себя прибегли и наши юмористы издатели. Некоторые листки почти сплошь наполнены тонкими намеками на своих собратий, и если вы не следили за всеми листками, то вы, конечно, ничего не поймете из этих намеков. Грубая брань и тупые насмешки, направленные против братьев, никому не известных и ничем не замечательных, – вот чем думают веселить издатели листов свою публику, Главный их неприятель, их *bête noire*[2] – это «Весельчак»; о нем отзываются листки то с ожесточением, то с пренебрежением, но всегда желчно и неприязненно. «Весельчак», с своей стороны, не вытерпел нападений, хотя между этими маленькими зверьками он и представляет довольно большое животное (он выходит каждую неделю, по листу, тогда как из других листов только «Смеха» вышло пять выпусков в пол-листа, а другие ограни-

чивались тремя, двумя, и всего чаще *одним* выпуском). Он счел, вероятно, небезопасным молчать и поражал своих противников *стихами* крайне жалкого свойства. Впрочем, может быть, в «Весельчаке» были и остроумные стихи и статьи действительно веселые. Мы не можем говорить о «Весельчаке» с полной уверенностью, потому что более половины номеров его не видали. Странную судьбу, в самом деле, имеет этот «Весельчак». По-видимому, он распространен страшно: в трактирах он есть столь же необходимая принадлежность, как «Полицейские ведомости»,^{11} на станциях железной дороги – сотни экземпляров последнего номера «Весельчака» красуются вместе с «Приятным собеседником» г. Булгарина, «Атакой женских сердец» г. Федорова и «Предубеждением» г. Львова. Из книжного магазина присылают вам книги: они завернуты в листок «Весельчака»; в него же обернут вам в лавке папиросы, свечи и т. п. На лотке разносчика, под яблоками или апельсинами, разостлан опять «Весельчак». И, несмотря на такой *избыток* экземпляров «Весельчака», ничего нет труднее, как достать полный эк-

земляр его, с начала издания. Мы не подписывались на «Весельчак» и потому обращались за ним к нескольким из его подписчиков: оказывалось обыкновенно, что налицо состоит или один последний номер, или несколько первых номеров... Так мы и не могли добиться полного собрания листков «Весельчака», чтобы рассмотреть его в подробностях. Заметили мы только одно, что новая редакция (г. Львова) сильно ожесточена против старой (Барона Брамбеуса). Прежняя редакция возбудила негодование всего литературного круга тем, что пустилась в остроумие слишком уж грубое, аляповатое, площадное. Но этой-то грубости острот и площадной сальности выходок она и была одолжена своим успехом в массе читателей известного разряда. По-видимому, «Весельчак» на них и рассчитывал, и, несмотря на всю его пошлость, можно было надеяться, что он, под покровом шутовства и гаерства, пожалуй, что-нибудь и не совсем праздное и нелепое выскажет своим простодушным читателям. Но, по смерти Барона Брамбеуса, редакция перешла к г. Львову, который решил придать «Весельча-

ку» другой колорит. Попытка была, впрочем, если судить по некоторым номерам, бывшим у нас в руках, не совсем удачна. «Весельчак» поднялся на ходули и, избегая прежнего остроумия, не умел избежать прежней грубости. Вышло то, что в нем остались топорные замашки, а острота исчезла. Явлением литературным «Весельчак» все-таки не сделался.

Чтобы доказать свое полное отречение от прежней редакции, г. Львов под собственной фамилией помещает теперь в «Весельчаке» биографию Ивана Ивановича Хлопотенко-Хохотунова-Пустяковского,{12} от имени которого написано было объявление о «Весельчаке», так заманившее его публику. Возможности появления этой биографии мы даже не понимаем. Положим, что г. Пустяковский не существует на свете, это вымышленное лицо, миф; но ведь его имя красуется в «Объявлении» «Весельчака»; если это не настоящая фамилия, то псевдоним чей-нибудь, и псевдоним, тесно связанный с прежней редакцией «Весельчака». А между тем г. Львов написал на него пасквиль, в котором весьма неприлично касается его частной жизни. Положим,

что нарекания, изложенные в этой биографии, никому в литературе повредить не могут; но что, если г. Пустяковский или тот автор объявления, которому принадлежит этот псевдоним, обратится к г. Львову уже не как к литератору (между литераторами такие проделки невозможны), а просто как к человеку, пятнающему без всякого права его частную жизнь, и потребует у него отчета в его словах? Мы не знаем, может быть, «Весельчак» рассчитывает на то, что г. Пустяковский, принесший ему столько подписчиков своим остроумием, не захочет уже теперь с ним связываться; во всяком случае, мы находим, что ожесточение новой редакции против старой доводит ее до неблагоразумия и даже неприличия.

Воюя с прежней редакцией, «Весельчак» нападает также с яростью на «Атеней» и «Современник». Это, впрочем, только в последнее время, после того, как в них напечатаны были разборы комедии г. Львова «Предубеждение».^{13} Нападения эти не могут принести особенного удовольствия *записным* читателям «Весельчака»; но для *посторонней* публи-

ки они могут быть довольно забавны, по крайней мере в той степени, как моська, лающая на слона.

Из других листков «Смех» всех ближе подходит к «Весельчаку» по своему тону. Он, например, остервенился против самого «Весельчака», который, по его словам, надул его: обещал веселить, да и не веселит, – и за то отделяет его вот каким манером: «Хохочем-то мы и теперь уж повеселее его, хошь он и кричит про себя во все горло: я-де, я, я настоящий весельчак. А коли настоящий весельчак, так и веди себя начистоту, по-весельчаковски, а не умничай так высокоумно и не вытягивай свою физиомордию (!!) так длинно, что, право, так вот руки и чешутся... то есть просто так вот зудом и зудят»... За такое чисто русское остроумие «Смех» приобрел, кажется, еще большую популярность, чем «Весельчак»: его разошлось 13 000 экземпляров. По крайней мере так объявлено было в «Сплетнике».

Зато и досталось же «Смеху», вместе с «Весельчаком», от других листков, особенно пока листки эти не успели еще перебраниться

между собою. Но вскоре пошли они один на другого, и вышла кутерьма неописанная. Возьмешь листок и с первого слова встречаешь брань на кого-то; но на кого, за что, почему и для чего, – остается неизвестно. Наконец сообразишь, что это относится к другому листку, и только удивишься, для каких пошлостей может иногда служить литература в руках некоторых господ. Сами листки нередко обращали на себя внимание в этом отношении и как будто каялись. Так, «Пустозвон» {14} наполнивший два первых выпуска своих вялыми и многоречивыми нападениями на «Весельчака», в третьем внезапно образумился, когда самого его отделали в листке «Смех и горе». Полный справедливого негодования, он воскликнул: «Кому доставит удовольствие читать чуть-чуть что не ругань двух или трех лиц? Кому этот вздор интересен? К тому же, если кто пожелает читать вздор, то купит Смех (без горя) или меня, Пустозвона, а не вздорный листок «Смех и горе».

На «Пустозвон» громко восстал за то г. Ижицын, автор двух стихотворений, одинаково пошлых и безграмотных: «Ороскоп кота» и

«Моим трутням совет». На кого направлено первое, мы не могли добиться: в нем говорится о каком-то кривом коте, которого следует сослать в Ботанибей, а потом «за полюса звезду повесить», а к хвосту ему привесить колокол. Из всего этого выходит акrostих: «колокольцику петля готова». О безграмотности этого «Ороскопа» замечено было вскользь в «Иллюстрации», {15} и г. Ижицын сочинил, в ответ на это замечание, новый иллюстрированный акrostих: «Обезьянам трезвона». На этот раз мы поняли, в чем дело: нелепость эта направлена была против «Пустозвона», который выставил обезьяну и попугая в виньетке своего издания «как эмблему подражания и болтовни», по его собственному объяснению. Г-н Ижицын, обращаясь к «Пустозвону» (который он – верно ради стиха – называет трезвонном), вспоминает и свой «Ороскоп», но так замысловато, что мы не беремся объяснять отношения между этими двумя явлениями. Судите сами, можно ли что понять из таких стихов:

*Трутень прихотливый,
Резвый балагур.*

*Ежик ты болтливый
Звонко фальшишь: чур!
Внемли же совету»
Ороскоп»: не твой!
Не брани ж по свету,
Астролога бой!*

Ни одной запятой мы не переменили в этих стихах. Есть ли возможность отыскать в них хоть малейший след здравого смысла?

За стихами следует ругательство на «Иллюстрацию» и рисунок, изображающий какое-то дикое соединение разнородных предметов, с странными подписями. Тут Васька-кот, пишуший что-то, над ним петля, вверху Полярная звезда, внизу колокол, еще ниже – обезьяны. Видно, господин Ижицын хотел представить в лицах свой «Ороскоп кота».

{16}

И неужели все это против невинного «Пустозвона» за его невинную виньетку? Нет, тут, вероятно, есть другая цель, и она объясняется подписью внизу листка: цена 10 коп. сер. Очевидно, что это не совсем добросовестная спекуляция на карман ближнего. Видно, автор «Ороскопа» и «Совета» находится в об-

стоятельствах, еще более расстроенных, чем бесцеремонный издатель «Бессонницы», и менее рассчитывает на сострадательное сочувствие публики, чем издатель «Смеха и горя». Вот он и хватил: «цена 10 коп.» вместо обычного пятак!..

Есть, впрочем, и бескорыстные издания в числе этих листков. К числу их относим мы «Правду в стихах и прозе»{17} г. Гр Н – а. Что хуже у г. Гр. Н – а, стихи или проза, решить трудно; но его направление по крайней мере бескорыстно. В предисловии он бранит литераторов за то, что они обличают чужие пороки, а о своих собственных не думают; а в конце превозносит г. Кокорева, должно быть как человека, подающего пример обличения собственных пороков. Впрочем, статейка о г. Кокореве отличается тончайшей и деликатнейшей иронией, которую даже можно бы принять за чистую монету, если бы похвалы не были слишком уж преувеличены. К статейке этой готовят читателя стихи: «На отъезд спекуланта», в которых поэт провожает спекулянта на воды за границу и, между прочим, говорит:

*Но нельзя ли захлебнуться
И к нам больше не вернуться?
Много б одолжил,
Ты ведь нам теперь не нужен,
Весь разгадан, обнаружен,
Для кармана жил!*

После стихов следует статейка: «Что делают русские люди за границей?». В статейке этой говорится с изумлением об одном необыкновенном явлении, именно, что «русский человек, вышедший из простонародья, не получивший никакого школьного образования, занимавшийся прежде исключительно торговыми оборотами», вдруг написал политико-экономическое сочинение об Англии, Франции, Бельгии и Пруссии, изучив эти страны в четыре месяца своего путешествия по ним. Это тем более изумительно, говорит автор, что в политико-экономических трудах особенно нужно серьезное изучение и совершенное знакомство с предметом. Но что же вышло? В европейских и русских журналах расхвалили скороспелое произведение русского самоучки; в доказательство приводятся автором выписки из «Nord'a», где и было по-

мещено расхваливаемое произведение.{18} Поставивши вопрос так лукаво, автор с наименьшим лукавством заключает свой панегирик: «Что же это значит? Это значит, читатель, что посреди нас явился светлый и обширный ум, насквозь проникающий предмет исследования и в то же время обнимающий его со всех сторон; для умов подобного свойства врожденный инстинкт заменяет лета долгого изучения, и богатство безошибочных идей создает новое, своеобразное, меткое, всем понятное, неотразимо увлекающее слово. Это значит, что к незабвенным именам Посошкова{19} и Кошихина{20} должны мы присоединить отныне имя Кокорева. Но уважаемый современник наш больше нам по душе, нежели его предшественники: в груди его бьется не только русское, но и вполне христианское сердце».

Не совсем грамотно, – но чрезвычайно зло!.. Признаемся, не поздоровится от таких похвал...

Мы уверены, что направление г. Гр. Н – а совершенно бескорыстно.

До сих пор занимались мы более нрав-

ственной стороной *листок*: может быть, потребуют от нас и оценки литературной их стороны. Но нам, право, совестно говорить о них как о явлениях литературных. Их анекдоты стары или бестолковы, их остроты тупы или неприличны, их рассуждения нелепы или пошлы, их очерки бездарны. Соединение всего этого нагоняет тоску невыносимую; а полемические выходки *листок* друг против друга возбуждают даже отвращение. Они-то окончательно и опошлили теперь этот, только что возникший у нас, род. А если бы вести их мало-мальски порядочно, род этот мог бы утвердиться и оказывать немалое пособие серьезной литературе. Журналы выписываются немногими, серьезные книги еще меньше распространены в публике; к газетам у нас тоже как-то плохо привыкают. При таком положении дел летучие листки могли бы сделаться лучшими проводниками здравых понятий в те слои общества, которые чуждаются серьезной литературы. Под покровом шуток можно бы здесь высказывать очень многое. К сожалению, никто из издателей *листок* этим не воспользовался. Если кто и

обнаруживал какие-нибудь стремления, то разве стремление к сальностям. В этом роде особенно отличились «Сплетни»,^{21} велико-светское издание, обладающее весьма посредственным остроумием и рассказывающее истории, вроде анекдота о ночном подкинутаии взрослого мальчика в постель молодой женщины и т. п.

Один только недурной анекдот нашли мы в «Рододендроне»^{22} (листок этот, вместе с «Пустомелею»,^{23} получше других), и для образца мы даже выпишем его. Он называется «Образец послушания».

Начальником единственного учебного заведения в одном из германских княжеств сделан был, по воле владетельного князя, отставной генералиссимус всех военных сил (военные силы княжества были незначительны). Учебное заведение имело ботанический сад. Новый начальник начал с того, что велел расставить все растения по росту. В то время, как растения расставлялись под собственным его наблюдением, явился инспектор и принес жалобу на одного молодого человека, который

оказался до крайности непослушным. Начальник позвал молодого человека к себе, долго доказывал ему, что послушание есть добродетель, и наконец прибавил: берите с меня пример. Мне Фердинанд LIX,[3] дед настоящего князя, приказал сделаться солдатом, – и я сделался. Преемник его, Фридрих CXXVIII приказал мне быть генералом, – и я генерал. Наконец, Фридрих CXXIX сказал, что я должен быть ученым, и я, как видите, исправляю должность ученого (он показал на растения). А если бы я оказался непослушным, что бы вышло?

За этого послушного генералиссимуса «Рододендрон» непременно попал бы в образцы лучших произведений поэзии у г. Ореста Миллера, о котором мы еще будем иметь удовольствие говорить с читателями.{24} Здесь так ярко отразился нравственный идеал нашего ученого моралиста. Жаль, что он издал свою диссертацию, не дождавшись появления «Рододендрона».

Приведем, пожалуй, образцы остроумия и из других листков:

«По случившемся случайному случаю, продается новый фрак, без подкладки, на воротнике 33 заплатки».

«Однажды спросили слугу, у которого умер кривой господин, тяжелою ли смертью умер его господин.

– Ах, нет, – отвечал он, – закрыл один только глаз».

Это из «Бесструнной балалайки», {25} а вот острота из «Шута горохового»: {26}

«Бутылку хорошего вина можно назвать увеличительным стеклом удовольствия и уменьшительным печали».

Вот также остроумие г. П. Новикова, сочинителя «Новейших юмористических рассказов»:

«Где можно получить практику легкого обмана по части торговой? – В толкучем рынке».

«Где можно видеть небывалых зверей? – Во сне».

«Где дают деньги даром? – Не знаю».

Вот из «Фантазера» анекдот: «Страны света»:

Спросил на экзамене голубчика, купеческого купчика учитель, юношеского ума творитель: «Сколько частей света?» На вопрос этот, юноша был в скуке, вовсе не думая об науке, отвечал: «Четыре Адмиралтейских, Выборгская, Петербургская и т. д.»

И вот всё почти в этом роде. Безграмотно, бессмысленно, с какими-то дикими прибаутками, с претензиями, без всякого признака хоть какого-нибудь убеждения, хоть какой-нибудь идеи. Жаль бедных читателей, которым, по степени их образованности, недоступна *настоящая* наша литература и которые подобными пошлостями должны удовлетворять свою любовь к чтению. А много таких читателей...

Мы слышали, что Москва, несмотря на горькие сетования своего Гераклита, тоже собирается взяться за юмористические издания. {27} Подождем, не будут ли они лучше петербургских.

Примечания

Условные сокращения

Аничков – Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений под ред. Е. В. Аничкова, тт. I–IX, СПб., изд-во «Деятель», 1911–1912.

Белинский – В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I–XIII, М., изд-во Академии наук СССР, 1953–1959.

Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах тт. I–XXV, М., изд-во Академии наук СССР, 1954–1961 (издание продолжается).

ГИХЛ – Н. А. Добролюбов Полное собрание сочинений в шести томах. Под ред. П. И. Лебедева-Полянского, М., ГИХЛ. 1934–1941.

Гоголь – Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, тт. I–XIV, М., изд-во Академии наук СССР, 1937–1952.

ГПБ – Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Изд. 1862 г. – Н. А. Добролюбов. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), тт. I–IV, СПб., 1862.

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.

Лемке – Н. А. Добролюбов. Первое полное собрание сочинений под ред. М. К. Лемке, тт. I–IV, СПб., изд-во А. С. Панафидиной, 1911 (на обл. – 1912).

ЛН – «Литературное наследство».

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 годах (Н. Г. Чернышевским), т. I, М., 1890.

Писарев – Д. И. Писарев. Сочинения в четырех томах, тт. 1–4, М., Гослитиздат, 1955–1956.

«*Совр.*» – «Современник».

Указатель – В. Боград. Журнал «Современник» 1847–1866. Указатель содержания. М. – Л., Гослитиздат, 1959,

ЦГИАЛ — Центральный гос. исторический архив (Ленинград).

Чернышевский – Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, тт. I–XVI, М., ГИХЛ, 1939–1953.

Впервые – «Совр.», 1858, № 9, отд. II, стр. 85–93, без подписи. Вошло в изд. 1862 г., т. II, стр. 240–251.

Текст 1862 года отличается от текста «Современника» тем, что в нем восстановлена часть статьи, посвященная главным образом журналу «Весельчак», редактором которого к этому времени стал Н. М. Львов. Несколькоми месяцами раньше (в апрельском номере «Современника») цензура запретила рецензию Добролюбова на «Басню. Ороскоп кота» Б. М. Федорова, выступившего против Герцена и его «Колокола»; связи автора «Басни» с III отделением были известны в литературных кругах. Новое упоминание имени Федорова рядом с Булгариным, «Полицейскими ведомостями» и др. при характеристике «Весельчака», а также иронические суждения о нападениях этого журнала на «Современник» (Львов был недоволен оценками его пьесы «Предубеждение...»), очевидно, не были пропущены цензурой. При издании сочинений Добролюбова Чернышевский (как и в других случаях) восстановил первоначальный текст статьи. Он напечатал также в качестве примечания (в том месте, где говорится о новом акrostихе г. Ижицына, то есть Б. М. Федорова; после слов: «цена 10 коп. вместо обычного пя-

гачка!..» – см. наст, том, стр. 251) и рецензию на «Ороскоп кота», не пропущенную в журнале (в нашем издании печатается отдельно, см. т. 2). В соответствии с этим в перечислении названий «уличных листков» был добавлен «Весельчак» и вместо «29 штук», как стояло в «Современнике», указано: «итого 30 штук!».

Широкое распространение так называемых «уличных листков» в 1858 и отчасти в 1859 годах находится в несомненной связи с оживлением общественной жизни и с наметившимся в это время подъемом сатирической журналистики. Правда, подавляющее большинство издателей «листок» лишь спекулировало на интересе демократического читателя к острому обличительному слову. Содержание многих «листок» отличалось полнейшей беспринципностью, низкопробностью, а то и прямой реакционностью. Однако власти и цензура были обеспокоены распространением этих изданий. С.-Петербургский генерал-губернатор П. Н. Игнатьев обратился 18 мая 1858 года с конфиденциальным письмом к министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому. «С некоторого времени, –

указывается в письме, – стали появляться и беспрерывно размножаться разные печатные листки, которые по дешевизне своей привлекают многочисленных покупателей из низшего сословия... Листки сии, приохочивая к чтению людей невежественных и едва грамотных, нисколько не соответствуют тому назначению, которое должно иметь каждое литературное предприятие, обращающееся к простому народу. До появления подобных... изданий, грамотный простолюдин для удовлетворения своей потребности к чтению обыкновенно прибегал к тем церковным книгам, по которым учился грамоте. Поэтому не могу не согласиться с справедливостью заключения высокопреосвященного митрополита С.-Петербургского Григория («Духовная беседа», № 19, 1858), что такие издания «явно расстраивают ум, развращают волю, искореняют христианские чувствования и производят совершенное забвение об обязанностях святой веры» (ЦГИАЛ). Генерал-губернатор обращает также внимание на «недозволительные» приемы распространения листков: «Продаются листки сии не только в магази-

нах и лавках, но на улицах, мальчишками, которые останавливают прохожих. Такой способ продажи, не разрешенный ни журналам, ни афишам, нельзя допустить и для этих изданий» (там же). После этого письма последовал ряд распоряжений министра цензурному ведомству, в результате которых дальнейший выход листков был фактически прекращен.

На основании воспоминаний М. А. Антоновича существовало мнение, что Добролюбов в своей статье об «Уличных листках» воспользовался его студенческой работой, переданной в редакцию «Современника». Как показал И. Г. Ямпольский, это мнение ошибочно и основано на неточности мемуариста. (См. статью: И. Г. Ямпольский. Из истории русской сатирической журналистики (Уличные юмористические листки 1858 года). – «Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ», вып. 2, 1950, стр. 117–146.)

После статьи о петербургских «уличных листках» Добролюбов намеревался снова вернуться к этой теме. 13 сентября 1858 года он писал И. И. Бордюгову: «В Москве, кажется, начинают появляться глупые листки по пя-

тачку, вроде «Смеха», «Весельчака» и т. д. Здесь их нельзя достать, а в Москве, я думаю, легко. Сделай милость, собирай их по мере появления и потом, когда наберется значительное количество, пришли мне. Это для меня необходимо». Однако против распространения уличных листов в Москве были уже приняты запретительные меры. 29 мая 1858 года Е. П. Ковалевский в специальном письме на имя председателя Московскою цензурного комитета предложил «объявить конфиденциально гг. цензорам... чтобы они под благовидными и законными предлогами не допускали издания таковых» (ЦГИАЛ).

Сноски

1

Внезапно, без подготовки (лат.). – *Ред.*

[^^^]

2

Пугало, жупел (франц.). – *Ред.*

[^^^]

3

В княжестве, о котором идет речь (оно уже не существует), правителями в течение многих столетий были только Фердинанды и Фридрихи.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

См. рецензию на «Московские элегии» М. Дмитриева.

[^^^]

2

«Смех» – в 1858 году вышло несколько листков под сходными названиями: «Смех смехович», «Смех под хреном», «Смех № 0», «Смех № 00», «Смех и горе», «Смех в 1 раз по возобновлении» и др. Издателем этих листков был А. К. Нестеров, выступавший в годы Крымской войны с казенно-патриотическими брошюрами.

[^^^]

3

Добролюбов пародирует здесь развязное обращение из «Частного письма к почтеннейшей публике» о предстоящем издании журнала «Весельчак» (опубликовано в декабре 1857 года): «Милостивые государи, благодетели-подписчики! Простите мне смелость, что, не будучи с вами знакомы, сую вам руку прямо в карман».

[^^^]

4

«Бессонница». – Было выпущено всего два номера этого листка (в 1858 году); автором-издателем его был Н. Брусков, выступивший под псевдонимами: «Фома Полуночников и компания», «Н. Б.».

[^^^]

5

«*Весельчак*» – «журнал всяких разных странностей светских, литературных, художественных и иных»; издавался в Петербурге в 1858–1859 годах. Издателем его был А. Плюшар, редакторами (последовательно) – О. И. Сенковский, Я. И. Григорьев, Н. М. Львов и А. Козлов.

[^^^]

6

Пастрана Юлия – женщина с бородой и усами, которую показывали в Петербурге и в Москве в конце 1850-х годов.

[^^^]

7

«Сплетник» – уличный листок, выпущенный в 1858 году.

[^^^]

8

«Фантазер» – издание имело подзаголовок: «Листок смеха и колоссального успеха. Карнавальный листок. № нет?», издан в 1858 году.

[^^^]

9

«*Бардадым*» – уличный юмористический листок, автор его – С. И. Турбин (псевдоним П. Бахтыгозино), издан в 1858 году.

[^^^]

10

Щукин двор – торговые помещения, находившиеся рядом с Апраксиным двором (между Садовой улицей и набережной реки Фонтанки) в Петербурге.

[^^^]

«Полицейские ведомости». – Имеется в виду газета «Ведомости С.-Петербургской полиции», издававшаяся (с некоторыми изменениями названия) в 1839–1917 годах в Петербурге; аналогичная газета издавалась и в Москве. Сближая журнал «Весельчак» с полицейским органом, а затем и последующими изданиями и произведениями Булгарина и Федорова, Добролюбов подчеркивал доносительный характер выступлений Н. М. Львова как редактора этого издания. Заглавие «Приятный собеседник» – дано ошибочно: Булгарин (совместно с Н. И. Гречем) издавал журнал «Детский собеседник» (1826–1828); видимо, это издание и имел в виду Добролюбов.

[^^^]

Под этим псевдонимом выступал первый редактор «Весельчака» О. И. Сенковский (Барон Брамбеус); после его смерти (4 марта 1858 года) Н. М. Львов под фамилией Пустяковского в пасквильном виде представил И. И. Панаева, на которого, как и вообще на «Современник», он был озлоблен за отрицательные отзывы на «Предубеждение...». Добролюбов, указав Львову на неприличное использование псевдонима Сенковского, вскрыл полнейшую беспринципность новой редакции «Весельчака».

[^^^]

13

«Атеней» – литературно-критический журнал умеренно-либерального направления; издавался в Москве в 1858–1859 годах под редакцией Е. Ф. Корша. Упомянутые разборы комедии «Предубеждение...» – рецензия А. Пальховского («Атеней», 1858, № 23) и рецензия Добролюбова в «Современнике».

[^^^]

14

«Пустозвон» имел подзаголовок: «Карикатурные бредни. Не любо, не слушай, а лгать не мешай»; листок издавался в 1858 году И. К. Зейделем.

[^^^]

15

«Иллюстрация» – журнал, выходивший в Петербурге в 1858–1863 годах. Издатель – А. О. Бауман, редакторы – В. Р. Зотов, Н. С. Курочкин (в 1861–1862 годах) и др.

[^^^]

16

Новый акростих Федорова (псевдоним Ижицын) «*Моим трутням совет*», выпущенный в качестве иллюстрированного «уличного листка», перекликается с «Ороскопом кота» и направлен, как это очевидно (см. выше: «петля, вверху Полярная звезда, книзу колокол»), также против Герцена, хотя Добролюбов умышленно (по цензурным причинам) словно бы не замечает этого.

[^^^]

17

«Правда в стихах и прозе» – уличный листок, изданный в 1858 году поэтом Е. Бернетом (А. К. Жуковским) и Г. П. Надхиным.

[^^^]

18

Имеется в виду статья откупщика В. А. Кокорева «Взгляд русского на европейскую торговлю»; статья была напечатана в брюссельской газете «Le Nord» и перепечатана в ряде изданий в России. Добролюбов выступал против Кокорева и его финансовых махинаций неоднократно (см. в рецензии на «Утро», в статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» и др.).

[^^^]

19

Посошков Иван Тихонович (1652–1726) – русский экономист, автор трактата «О скудости и богатстве», по происхождению из крестьян.

[^^^]

20

См. прим. 29 к статье «Первые годы царствования Петра Великого».

[^^^]

21

«Сплетни, всесветное великосветское карманное издание для всех карманов» – уличный листок, вышел в 1858 году в Петербурге.

[^^^]

22

«Рододендрон». Подзаголовок: «Листок, возникший случайно»; издан в 1858 году.

[^^^]

23

«Пустомеля». Подзаголовок: «Летучий листок»; вышел в 1858 году.

[^^^]

24

См. рецензию Добролюбова на сочинение О. Миллера «О нравственной стихии в поэзии».

[^^^]

25

«Бесструнная балалайка» – иллюстрированный уличный листок, вышел в мае 1858 года.

[^^^]

26

«*Шут гороховый*» – уличный листок, изданный Н. Н. Герасимовым в 1858 году.

[^^^]

27

По подсчету И. Г. Ямпольского, в Москве вышло лишь несколько уличных листков: «Не журнал и не газета», «Турусы на колесах» и др. (см. ГИХЛ, III, стр. 639; см. также выше цитату из письма Добролюбова к И. И. Бордюгову).

[^^^]

[^^^]